

УДК 613.316

РАЗВИТИЕ И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ В ЯПОНИИ

Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В.

ГОУ ВПО «Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина», Саратов, e-mail: gh@techn.sstu.ru

Проведен анализ основных этапов в развитии и институционализации социологии в Японии начиная с конца XIX века до наших дней. Сегодня в Японии существует широчайшее многообразие социологических направлений на любой вкус. Тем не менее ни одно из них невозможно определить как типично японское или преимущественно японское. Социологию села представляет Т. Фукутакэ, промышленную социологию – К. Одака, теорию массового общества – И. Симидзу и т.д. Оценивая меру их оригинальности, надлежит признать, что послевоенные японские социологи были намного оригинальнее своих современных коллег. Вполне естественно, что не существует абсолютно уникальной японской социологии. Япония до такой степени интегрирована в международные отношения, что каких-либо специфически японских проблем не существует. С другой стороны, наличие в Японии любых направлений социологии – признак здоровья японского общества. Недостаток такого положения – отсутствие глубины теоретического и практического анализа. При всей тщательности выполняемого социологического анализа он недостаточно глубок для понимания проблем японского и вообще современного общества.

Ключевые слова: социология, японский, общество, теория, развитие

DEVELOPMENT AND INSTITUTIONALIZATION OF SOCIOLOGY IN JAPAN

Zamogilny S.I., Stavropolsky Y.V.

Engels' Technological Institute (branch) of Saratov State Technical University n.a. Yu.A. Gagarin, Saratov, e-mail: gh@techn.sstu.ru

The paper expands an analysis of the main stages in development and institutionalization of sociology in Japan since the late XIXth century till nowadays. Today in Japan there exists a broad variety of sociological trends to meet any taste. Nevertheless none of them may be termed as a typically or mostly Japanese one. Rural sociology is personified by T. Fukutake, industrial sociology by K. Odaka, mass society theory by I. Shimizu and so on. Evaluating their measure of originality one should admit that the post-war Japanese sociologists were rather more original, than their contemporary counterparts. It is quite natural that there is no an absolutely unique Japanese sociology. Japan is to such a great extent integrated into international relations, that there are no specifically Japanese problems. On the other hand, availability of any sociological trends in Japan is a feature of the Japanese society's health. The drawback of such a situation is a lack of deepness of the theoretical and practical analysis. While the performance of the sociological analysis is meticulous still it is insufficiently profound for the comprehension of the problems of the Japanese society and in general of any contemporary one.

Keywords: sociology, Japanese, society, theory, development

Социология появилась в Японии в эпоху Мэйдзи (Meiji) благодаря Эрнесту Феноско Фенольозе (Fenollosa) (1853–1908), который прочитал в 1878 году курс лекций по социологии в Токийском Императорском университете. Спустя три года социология вошла в учебный план университета, и он же стал её преподавать [6].

В том же году декан филологического факультета Масакадзу Тояма (Toyama) (1849–1900) тоже стал преподавать социологию в качестве основы своего исторического курса. М. Тояма преподавал социологическую систему Г. Спенсера и стал первым профессором кафедры социологии, которая официально открылась в 1893 году. Он занимался историческими исследованиями японской традиционной морали и японских мифов, опираясь на позитивистскую социологию.

Нагао Арига (1860–1920) (Ariga), который может считаться первым японским теоретиком социологии, утверждал, что общество – это разновидность интеллектуального

организма. В 1883–1884 годах он опубликовал три книги: «О социальной эволюции», «О религиозной эволюции», «Об эволюции родственных отношений». В этих книгах он многое позаимствовал не только у Г. Спенсера, но и у Л.Г. Моргана (Morgan) (1818–1881), и у Дж.Ф. Макленнана (McLennan) (1827–1881), но высказал также и некоторые собственные идеи на примерах из истории Китая, Японии и Кореи.

В 1898 году кафедру социологии Токийского Императорского университета возглавил Тонго Такэбэ (Takebe) (1871–1945), который усилил отмеченную тенденцию тем, что создал социологическую систему, в которой место Г. Спенсера занял О. Конт, дополненный конфуцианскими взглядами на общество. В работе «Общая теоретическая социология» (1905–1918) он утверждал, что общество – это органический космос, в который человечество интегрировано вследствие глобальной космической эволюции, и где человек существует по конфуцианским принципам.

Японская социология между мировыми войнами

В конце двадцатых годов, с началом эры Сёва (Showa), в японской социологии возникли новые тенденции. Молодые японские социологи отдали предпочтение социологии культуры, критически отнесясь к формальной социологии, которую они сочли уделом пожилых, а некоторая часть молодёжи обратилась к марксизму, из которого она делала критические выводы в отношении самой социологии, которая, по их мнению, была типичной буржуазной идеологией. Яркими примерами подобной критики начала тридцатых годов стали Икутаро Симидзу (Shimizu) (1907–1988) и Тосиро Хаясе (Hayase) (1903–1975).

Послевоенные потребности общества и социология села

Начавшись в качестве разновидности позитивной философии, социология глубоко проникла в социальную реальность Японии во время войны, когда распространились опросы и позитивистские методы исследования. В центре внимания находились семья и село, поскольку именно аграрные проблемы представляли собой концентрированное выражение японского милитаристского и полуфеодального капитализма. После войны исследования Н. Ариги развивал Тадаси Фукутакэ (Fukutake) (1917–1989), который оказал сильнейшее влияние на всю послевоенную японскую социологию.

Главная заслуга Т. Фукутакэ в том, что он расширил перспективу исследования модернизации японского села, и в условиях возникновения мелких крестьянских хозяйств не ограничивался анализом традиционных патриархальных отношений. В послевоенном японском селе в концентрированном виде проявились структурные противоречия японского общества, связанные с дефицитом продовольствия после войны и большим количеством сельского населения. Социология села Т. Фукутакэ имела важное значение ещё и в связи с его практической ориентацией на демократизацию послевоенной Японии.

Спустя несколько лет, аграрная реформа открыла для японского капитализма новые возможности развития в новых международных условиях. Сельское население стало быстрыми темпами перемещаться в города. Параллельно происходила урбанизация японской деревни, на селе стали доступны многие потребительские товары [1]. Структурные противоречия японского общества перестали концентрироваться на селе – село стало испытывать сильнейший

стресс, усугубляемый губительными механизмами капиталистической системы. Молодое поколение социологов, выросшее под влиянием Т. Фукутакэ, оказалось вынужденным самостоятельно выбирать вектор собственного развития в диапазоне от сельских, городских и региональных проблем до целостной структуры общества.

Быстрый экономический рост и промышленная социология

Кунио Одака (Odaka) (1908–1992) также являлся позитивистом, при этом обладал крепкой методологической подготовкой благодаря изучению работ М. Вебера, позволившей ему открыть новые исследовательские рубежи в сфере промышленности и труда, что постепенно приобретало более важное значение по сравнению с исследованиями села. Японская экономика оживала и начинала свой стремительный рост. Подобно остальным последователям М. Вебера в других обществоведческих дисциплинах, К. Одака занял «понимающее» (*verstehende*) отношение к исследованию «профессии» (*Beruf*), сделав это лейтмотивом своей научной работы. Однако его подход отличался от таких последователей М. Вебера, как Хисао Оцука (Otsuka) (1907–1996) и Масао Маруяма (Maruyama) (1914–1996), которые, испытывая сильное влияние со стороны марксизма, сурово критиковали японский способ модернизации, подчёркивая отсутствие субъективной автономии индивидов в этом процессе.

В условиях поражения Японии в войне и послевоенного наплыва американской социологии, *Beruf*-социология К. Одаки трансформировалась в промышленную социологию, применяющую социально-психологические методы. В работе «Промышленная социология», опубликованной в 1958 году, он утверждал, что его социологический метод – гуманный ретроактивный подход, а в центр рассмотрения ставил человеческие отношения в промышленности. По мере того как в конце пятидесятых и в шестидесятые годы изменялась классовая структура японского общества, промышленная социология обратилась к проблематике среднего класса в аспекте классовой идентификации и выявила, что характерная особенность классовой структуры японского типа – самоидентификация большинства промышленных рабочих с компанией и с профсоюзом. Разработка теории двойственной идентификации повлекла за собой не только проведение множества опросов о жизни и самосознании японских трудящихся, но также серьёзную полемику по вопросу о японском среднем классе и его

переходе в семидесятые годы в новое среднее массовое общество.

Промышленная социология К. Одаки заслуживает определённой позитивной оценки, поскольку до него практически никто из японских социологов не занимался исследованиями субъективного аспекта социальной ситуации. Он подал пример того, как можно применить социологический позитивизм к эмпирическим исследованиям в целях выяснения отдельных аспектов комплексной действительности в стремительно меняющемся обществе, подобном Японии в условиях стремительного экономического роста. С другой стороны, очевидно, что подобная разновидность эмпирического теоретизирования отнюдь недостаточна для охвата динамических процессов структурных изменений, которые совершались в шестидесятых и семидесятых годах порой весьма драматично.

Компилирование социологии и социологического функционализма

В 1957–1958 вышла в свет «Серия социологических эссе», содержащая работы, написанные в широчайшем диапазоне различных точек зрения, подчас противоречивших одна другой. В первом из восьми томов, озаглавленном «Индивид и общество», рассматривались действие и личность в доминировавшем в то время аспекте социологического функционализма, в заключительном томе под названием «Социальное действие и социальное изменение» превалировал марксистский анализ. После публикации восьмитомного сборника в японской социологии на первое место выступили две социологические системы. На уровне общества-как-целого – социологический функционализм, а на уровне эмпирических исследований трудовых отношений, регионального развития и т.п. – марксистская социология.

Типичным социологическим функционалистом был Кэнъити Томинага (Tominaga), посвятивший проблематике социальной системы и её изменениям труд «Теория социального изменения», увидевший свет в 1965 году. В этом произведении он выступил последователем Т. Парсонса, который на протяжении тридцати лет разрабатывал социологическую систему структурно-функционального анализа, опираясь на работы ведущих европейских социологов, таких как А. Маршалл, В. Парето, Э. Дюркгейм и М. Вебер. Конспективность изложения, в которой преуспевают японские учёные, имеет свои пределы. Функционалистские теории зачастую оказывались непригодными для анализа динамично из-

меняющейся социальной реальности в условиях японского стремительного экономического роста, поскольку материалом для этих теорий служила чуждая социальная действительность. К. Томинага фактически обратился к социологии социальной стратификации, которая позволяла исследовать именно японскую социальную реальность в аспекте стремительного изменения классовой структуры под влиянием бурного экономического роста.

Теоретическая социология при этом не ушла в тень. Другой приверженец функционализма, Тамито Ёсида (Yoshida), предложил концепцию понимания целостного процесса эволюции, начиная с зарождения организма до высокоразвитых социальных и культурных систем, на языке появления и развития механизмов переработки информации. Его концепция до такой степени широка и эластична, что, с одной стороны, допускает включение эвристических компонентов марксистского диалектического и исторического материализма, а, с другой стороны, она формализована и организована подобно функционалистским теориям Т. Парсонса, К. Томинаги и других социологов, что в совокупности усиливает её толерантность к другим теориям, позволяя на теоретическом уровне рассматривать любые случаи социальных изменений, в том числе – революционные изменения.

Марксистская и критическая социология в Японии

В пятидесятые и шестидесятые годы марксистская социология в Японии плодотворно развивалась [2]. Видный представитель марксистской социологии Синго Сибата (Shibata) опубликовал в 1961 году «Теорию человеческой природы и личности». В этом произведении он изложил фундаментальную теорию человеческого поведения, основанную на классических работах марксизма, таких как «Капитал», противопоставив её в качестве альтернативы американским социально-психологическим теориям, в особенности – теории Т. Парсонса [4] и ей подобным, которые основаны на категории действия.

Марксистские социологи, оказавшие существенное влияние на публикацию «Серии социологических эссе», инициировали независимую публикацию шеститомного сборника молодых социологов «Современная социологическая серия» в 1964 году и трёхтомного сборника «Серия современной социологии» в 1965 году. В этих сборниках увидели свет блестящие работы таких авторов, как Такаси Хосоя (Hosoya) «Системное изменение и его носители», Хироси

Орихара (Orihara) «Анализ причин страданий, приводящих к суициду в послевоенной Японии», Мунэсукэ Мита (Mita) «Типы несчастий в современной Японии».

Т. Хосоя разрабатывал более теоретические аспекты марксистской социологии, основываясь на великолепном прочтении классических марксистских трудов. Одновременно он проводил эмпирические опросы японских крестьян в северо-восточном районе Тохоку, где происходили драматические перемены под влиянием стремительного экономического роста, что позволило ему открыть новую исследовательскую перспективу вместо устаревшего подхода Т. Фукутаке и его группы. Х. Орихара в разгар студенческих волнений в конце шестидесятых годов утверждал, что научные работы обществоведов должны быть честными и посвящать себя глубокому изучению произведений М. Вебера, при этом настолько следуя собственному принципу, что практически заново написал весь оригинальный текст «Экономики и общества» (*Wirtschaft und Gesellschaft*). М. Мита продолжил теоретическое и эмпирическое изучение социального сознания, или, пользуясь терминологией американских социологов, социальных установок, значительно изменившегося в процессе модернизации со времени эпохи Мэйдзи. Под псевдонимом Юсукэ Маки (Maki) он опубликовал собственную теорию эмансипации человека в современном обществе. Увидевшее свет в 1975 году его произведение «Существующие структуры современного общества» и другие работы, оказали значительное влияние на молодых японских социологов поколения семидесятых годов.

В содержательном отношении на всём протяжении периода студенческих волнений в университетских кампусах в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов вся история развития социологии подвергалась радикальной критике. Не стали исключением ни марксистский ренессанс, ни последовавшие за ним попытки прочтения М. Вебера и Э. Дюркгейма по-новому. Не только в Японии, но в большинстве развитых индустриальных стран под влиянием студенческого и рабочего движения радикальной критике подверглись буквально все современные течения общественной мысли, включая марксизм, в котором виделась попытка выйти за пределы современного обществоведения.

Поднимались такие вопросы, как вопрос о том, действительно ли марксизм настолько ограничен рамками современного западного гуманизма, что допускает отсутствие какой-либо национальной или этнической

принадлежности у рабочего, создающего прибавочную стоимость? Либо вопрос о том, неужели даже марксизм ограничен до такой степени, что вынужден опираться на современный западный гуманизм, производным от которого оказывается волюнтаризм? Ответом на подобные вопросы стал структурализм К. Леви-Стросса, который, как тогда казалось, полностью релятивизировал современный западный образ мышления об общественных формациях, утверждая, что даже в очевидно первобытных обществах жителей Амазонки существуют собственные принципы самоорганизации или структура системных кодов. «Научный» марксизм Л. Альтюссера воспринимался в качестве своего рода моста между структурализмом и гораздо более объективированным марксистским социальным анализом, из которого практически полностью исключены любые элементы волюнтаризма. Многие талантливые молодые социологи обратились от марксизма к структурной социальной теории.

С другой стороны, молодое поколение социологов, не удовлетворённое объективными европейскими тенденциями, в виде альтернативы занялись субъективными американскими методологиями и теориями, такими, как феноменологическая социология, символический интеракционизм и этнометодология. Интересно то, что, с одной стороны, японскими социологами приветствовались объективные теории, а, с другой стороны, активно осваивались субъективные методологии. Если вспомнить о том, что в послевоенной Японии существовали два главных социологических подхода — марксизм и структурализм — ни один из которых не преуспел в социетальном анализе, гармонично сочетающем макроструктурный анализ и анализ на уровне микроагента, то такое положение вещей становится понятно. Раскол на структурализм и феноменологию стал следствием нерешённых проблем в социологии [3].

Возрождение японской культуры и социальной теории японского типа

В семидесятые годы происходил бум японской культуры и всего, что можно было считать типично японским. Ускоренный экономический рост значительно повысил жизненные стандарты японцев и вызвал в людях подъём уверенности в себе. Бум культурного национализма повлиял на обществоведение, и социологи предприняли ряд попыток кристаллизовать его в виде социальных теорий.

Эсюн Хамагути (Hamaguchi) предложил теорию интерперсонализма (*kanjinshugi*),

направленную на объяснение уникальности японского характера через социальные связи, в которых людьми признаётся важность отношений самих по себе, безотносительно к людям, которые в них участвуют, что образует традиционный фундамент японского общества. Ясусукэ Мураками (Murakami), Сьюмпэй Кумон (Kumon) и Сэйдзабуро Сато (Sato) выдвинули смелую многомерную теорию социального развития, утверждавшую коллективистский образ адаптации к технологическим преобразованиям природы в качестве альтернативы западной модернизации.

Старшее поколение, помнившее о пути Японии к ультранационалистическому милитаризму, воспринимало такие попытки с осторожностью, но молодёжь привлекала в них возможность открытия новых теоретических идей. Однако эта привлекательность всё-таки была недостаточна для появления широкого разнообразия концепций, способных составить японскую эпоху в теории социальных отношений и социального развития. Причина этому не вполне понятна, но вероятными представляются два объяснения. Во-первых, после стремительного экономического подъёма националистические настроения среди молодёжи не возобладали. В обществе материального достатка молодёжь была настроена более космополитично по сравнению с родителями.

Во-вторых, эти теории появились не в результате целенаправленных усилий, а вследствие попыток преодолеть структурализм и феноменологию [5]. Социальную теорию японского типа можно поставить в один ряд с постмодернистскими концепциями, поскольку один из её наиболее видных вдохновителей Тэцуро Вацудзи (Watsuji) (1889–1960) стремился при помощи герменевтической феноменологии разрушить не только западный модернизм, но и японский традиционализм.

Заключение

Сегодня в Японии существует широчайшее многообразие социологических направлений на любой вкус. Тем не менее ни одно из них невозможно определить как типично японское или преимущественно японское. Социологию села представляет Т. Фукутакэ, промышленную социологию – К. Одака, теорию массового общества – И. Симидзу и т.д. Оценивая меру их оригинальности, надлежит признать, что послевоенные японские социологи были намного оригинальнее своих современных коллег.

Вполне естественно, что не существует абсолютно уникальной японской социологии. Япония до такой степени интегрирована в международные отношения, что каких-либо специфически японских проблем не существует. С другой стороны, наличие в Японии любых направлений социологии – признак здоровья японского общества. Недостаток такого положения – отсутствие глубины теоретического и практического анализа. При всей тщательности выполняемого социологического анализа, он недостаточно глубок для понимания проблем японского и вообще современного общества.

Список литературы

1. Жуков А.Е. История Японии (в 2 томах). – М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
2. Митупова С.А. Японская социология и современность. – Чита: Экспресс-издательство, 2008. – 144 с.
3. Поиск альтернативной социологии; под ред. К. Косака, М. Огино. – Мельбурн: Транс Пасифик Пресс, 2008. – 268 с.
4. Бакстон У. Толкотт Парсонс и Япония в 1970х гг. // Америкэн социолоджист. – 2000. – Том 31. – Вып. 2. – С. 34–42.
5. Кавамура Н. Социология и общество в Японии. – Нью-Йорк: Кеган Пол Интернейшнл, 1994. – 229 с.
6. Лоренс У. Фенолоза: Дальний Восток и американская культура. – Нью Хейвен: Йейл Юниверсити Пресс, 1963. – 297 с.

References

1. Zhukov A.E. History of Japan (in 2 volumes). Moscow: Institute of Eastern Studies of the Russian Academy of Science, 1998.
2. Mitupova S.A. Japanese Sociology and Modernity. Chita: Express Publishing, 2008. 144 p.
3. A Quest for Alternative Sociology. Ed. by Kosaka K., Ogino M. Melbourne: Trans Pacific Press, 2008. 268 p.
4. Buxton W. Talcott Parsons and Japan in the 1970s // American Sociologist, 2000. Volume 31. Issue 2. pp. 34–42.
5. Kawamura N. Sociology and Society of Japan. New York: Kegan Paul International, 1994. 229 p.
6. Lawrence W. C. Fenollosa: the Far East and American Culture. New Haven: Yale University Press, 1963. 297 p.

Рецензенты:

Муталимов А.Э., д.соц.н., профессор кафедры этики и эстетики философского факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов;

Кочетов А.Н., д.и.н., профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью гуманитарного факультета Саратовского социально-экономического университета, г. Саратов.

Работа поступила в редакцию 26.08.2013.